

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ Н. ГАРТМАНА

Введение. Социальная и культурная трансформация современного общества, влекущая за собой серьезные изменения в духовной жизни людей, вызывает необходимость философского осмысления проблемы соотношения ценностей и формирования ценностных систем. Понятие ценности охватывает витальные, социальные и духовные блага всевозможного рода, поэтому иерархия ценностей может создаваться (образовываться) по различным критериям. Вопрос о том, какие объективные ценностные оппозиции и антиномии являются узловыми моментами в любой ценностной иерархии, относится к числу важнейших тем аксиологии. Этика Н. Гартмана, разработанная на основе общих принципов его критической онтологии, содержит одну из наиболее развитых и систематизированных концепций ценностной иерархии и в силу этого представляет несомненный интерес для теоретико-методологического и историко-философского анализа указанной проблемы.

Фундаментальные отношения ценностей. Онтологизм Н. Гартмана проявляется не только в общефилософских представлениях, но и в размышлениях о ценностях: по его словам, в основе онтологических явлений и ценностных феноменов лежит один и тот же мир. «Он ничуть не менее представляет собой мир добра и зла, что и мир вещей и вещных отношений. По крайней мере, он дан как в том, так и в другом аспекте одинаково первично» [1, 277]. Ценности присущи не только вещам и вещным отношениям, но и личностям, при этом собственно личностные (нравственные) ценности находятся в определенном отношении к ценности благ, которые составляют их необходимое условие: «Низшая ценность становится материей высшей аксиологической формы, являясь исключительно ее condition sine qua non. В любом другом смысле высшая ценность от нее независима: специфически ценностное качество в ней, нравственное благо, в сравнении с ценностью благ есть нечто совершенно новое, что в той никоим образом представлено не было, да и та по отношению к нравственному благу совершенно индифферентна» [1, 278]. Всякое ценностное отношение и совершаемое на его основе действие предполагает наличие ценностного объекта (блага), причем само это существование является необходимым, но не достаточным условием возникновения высших ценностей.

Отличие от Шелера, полагавшего, что низшие ценности обусловлены высшими, Н. Гартман считает, что каждый порядок ценностей имеет собственную автономию, которая не может быть уменьшена никакой зависимостью от более высоких порядков. Интенции принадлежат внутреннему миру личности, но подразумевают существование объективных предметностей (интенциональных предметов) за пределами субъективных актов. Иначе говоря, ценность акта превосходит ценность блага по своему аксиологическому статусу, но не может возникнуть и существовать без ее наличия. Тем не менее, ценностные качества характеризуют род поведения личности, но не предмет интенции, в которой оно существует: «Цель того, кто говорит правду, заключается вовсе не в том, чтобы быть правдивым самому, но в том, чтобы тот, кому говорят, познал истину; точно так же, как цель щедрого или любящего заключается не том, чтобы быть щедрым или любящим, но в том, чтобы другой получил подарок или радость» [1, 281]. Поступок может быть признан ценным, в том числе и благодаря своей непосредственной цели, но вовсе не потому, что его содержание составляет ценность поступка.

Возможности стремления к ценностям имеют, по Гартману, оп-

ределенные границы, обусловленные обратной зависимостью между «высотой» ценности и интенцией: чем более высокий статус имеет ценность, тем менее возможно стремление к ней. Поэтому высшие (по Гартману, собственно нравственные) ценности вообще не могут быть предметом стремления, а возможность постановки их в качестве цели является минимальной, не будучи при этом, однако, равной нулю. Высшие ценности представляют собой не ценности содержания, к которому можно стремиться, но качественные ценности самого стремления. Вследствие этого «действительные границы возможности стремления здесь образует совершенно иное сущностное отношение: необходимая нетождественность между ценностью и ценностью, а именно, ценностью акта и ценностью содержания, к которому стремятся в акте» [1, 284]. При этом ценность стремления совершенно не зависит от успеха – высшее проявление нравственного поведения заключается в самом стремлении (интенции).

Существенные затруднения имеются также и в реализации высших ценностей, по крайней мере, в силу того, что стремление может обращаться и к достижимому, и к недостижимому. Гартман справедливо считает неправомерным отождествление реализации ценности с достижением предмета стремления. С одной стороны, ценности могут стать реальными без направленного на них стремления – к примеру, злая воля может породить какое-либо благо даже против своего намерения, и вообще в поступке может быть реализовано многое из того, что не являлось предметом стремления. С другой стороны, в практическом поведении личности наслаиваются две разновидности реализации: одна из них имеет предмет стремления как определенную цель, а другая не имеет, выражая общее стремление личности к высшим ценностям: «Достижение зримых результатов связано с реализацией того, что намечено как цель, но не с интенцией как таковой. Реализация же намечавшегося в качестве цели (нравственной ценности), связана не с реализацией того, что поставлено в качестве цели, но с интенцией как таковой» [1, 288]. Кроме этого, некоторые ценности и вовсе не могут стать реальными – по мысли Гартмана, сама «структура их материи противится реализации, причем такие ценности есть и среди благ (юность, непосредственность, бесхитростность), и среди личностных ценностей (чистота, невинность). Действительное движение возможно только от них, но не к ним (к примеру, невинность можно утратить, но нельзя вновь обрести). Возможности осуществления таких ценностей сужаются в еще большей степени, если речь идет об отдельном человеке: каждый может реализовать только то, что заложено в нем в качестве возможности, но при этом любое общепринятое нравственное требование может быть к нему обращено. «Границы реализуемости заключены в сущности определенных ценностных материй, – будь та абсолютна или соотнесена с определенным человеческим этосом, – в то время как границы возможности стремления заключены в сущности стремления, которое, будучи направлено на нравственные ценности, отправляет в путь само себя» [1, 290].

Приведенные рассуждения воспроизводят идеи Н. Гартмана об основных отношениях между ценностями: 1) общепринятое представление о том, что низшие ценности существуют только потому, что есть высшие ценности, которые являются их смыслом, Гартман считает неоправданной метафизической конструкцией; 2) низшие ценности (ценности благ) являются основанием высших ценностей (ценностей акта) в качестве их «материи» (возможного содержания), но каузальной связи между ними не существует, то есть низшие

Варич Вероника Николаевна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ценности не являются причиной существования высших; 3) каждый порядок ценностей по всей шкале их «высоты» автономен и не ограничен зависимостью от других порядков; 4) возможности стремления к высшим ценностям ограничены как самой их природой (объективным существованием вне интенции), так и несовпадением стремления к определенной ценности как к цели и нравственного стремления как такового; 5) реализация высших ценностей затруднена, во-первых, потому, что существуют ценности, реализовать которые невозможно, а во-вторых, из-за того, что существует различие между реализацией предмета стремления и реализацией самого нравственного стремления; 6) на уровне отдельного человека реализация высших ценностей ограничена природой его индивидуального этоса.

Иерархия ценностей. В любом исследовании ценностей неявно предполагается наличие отношений между ними, однако иерархия ценностей не может быть выявлена до исследования самих ценностей. Вместе с тем ценности настолько многообразны, что любое их описание может быть произведено лишь в определенной последовательности, внутри которой сама собой намечается некая иерархия в зависимости от изучаемой группы ценностей и исследовательского подхода: «Для одной группы ведущей точкой зрения является «систематическая», например, лежащая в сущности ценности и должностования вообще, для другой – заимствованная из исторически «случайного» развития этоса, для третьей – как раз такому развитию противная и составленная ему в противоположность» [1, 292]. Констатируя методологические трудности в изучении проблемы соподчинения ценностей, Гартман в то же время убедительно доказывает, что любое познание ценностей имеет умозрительный характер, если не принимает его во внимание. Более того, ценностное чувство, присущее каждому человеку, может определять поведение лишь в том случае, когда взвешивает ценности друг относительно друга, то есть одновременно является чувством иерархии. Философ убежден в том, что указанное чувство в принципе не может быть направлено на нечто, не являющееся ценностью и тем более отрицающее ее: оно всегда ориентировано на ценности, хотя и не обязательно на высшие: «Всякое ценностное сознание, осуществляющее нравственный отбор, необходимо есть сознание иерархии» [1, 292]. В каждой конкретной ситуации, таким образом, ценностное чувство осуществляет выбор между двумя ценностями, а не между ценностью и не-ценностью, поэтому любое позитивное решение является «функцией сознания иерархии».

Положение ценности в иерархии невозможно определить в соответствии с каким-либо одним принципом или правилом. Так, статус ценности зачастую связывается со степенью ее структурной сложности или же со степенью её общности. Наиболее общие ценности рассматриваются при этом как самые высокие, а частные (и в особенности индивидуальные) – как самые низкие. Однако в действительности всеобщие ценности имеют самую простую содержательную структуру, а индивидуальные – наиболее сложную. С полным на то основанием Гартман отмечает, что аксиологическое отношение в таком понимании подменяется логическим отношением понятий, а из этой (вольной или невольной) подмены следуют многочисленные теории, декларирующие высшую ценность, из которой дедуктивным путем можно вывести все низшие ценности.

Тот или иной односторонний подход к пониманию ценностей приводит к их выстраиванию в соответствии с какой-либо единственной ценностной шкалой. Многообразие же ценностей настолько велико, что линейный подход вряд ли можно считать продуктивным. Так, расположение ценностей по «высоте» не всегда совпадает с различиями в их структурной сложности и значимости; «высота» положения ценности не означает ее безусловной значимости и обусловленности ею низших ценностей: «... различие по силе не есть различие по высоте. Скорее, можно было бы утверждать, что эти два вида иерархизации противостоят друг другу: высшие ценности как раз слабее, низшие же – сильнее» [1, 295]. Весьма убедительное подтверждение такой обрат-

ной связи Гартман видит в различном отношении к нарушению ценностей: «Нарушение низших ценностей постыдно, бесчестно, возмутительно, но их исполнение удовлетворяет лишь требованию порядочности, не являясь какой-то особой заслугой. Нарушение высших ценностей, напротив, имеет, скорее, характер морального проступка, но не чего-то непосредственно унижающего, в то время как реализация этих ценностей может иметь нечто возвышающее, освобождающее, даже одухотворяющее» [1, 296].

Вместе с представлением об иерархии ценностей возникают вопросы о её познаваемости и о критериях, по которым определяется аксиологический статус отдельных ценностей. Современник Н. Гартмана М. Шелер определил пять признаков, позволяющих отличать высшие ценности от низших: степень долговечности, неделимости и безусловности [2, с. 309-315]. Очевидно, что простая объективная долговечность определенного блага не может сделать его более или менее ценным, речь не идет также и о долговечности ценностного носителя. Долговечность в определении статуса ценности имеет значение лишь в том случае, когда она не является простой длительностью или последовательностью, а представляет собой способность существования «сквозь» время, вне зависимости от конъюнктуры и ситуации. Высшие ценности, далее, не должны быть делимы подобно тому, как делится некое материальное благо по мере того, как становится объектом удовлетворения все большего числа людей, – распределить их можно, только разделив, но при этом ценность получаемых «частей» неуклонно уменьшается. Сущность же высших ценностей заключается в том, что они могут передаваться неограниченно, не подвергаясь какому-либо разделению. Отсюда Шелер выводит связанное с высшими ценностями ощущение их святости и божественности, которое фактически исключает необходимость материального носителя, но выражается в материальных символах.

Отличительным признаком высших ценностей, согласно представлениям Шелера, является также их наименьшая обусловленность другими ценностями или же вообще безусловный характер. С этим признаком связана и глубина удовлетворения в отношении высших ценностей, которая принципиально отличается от чувствования других ценностей: самое интенсивное удовлетворение от материальных благ имеет поверхностный характер, а «центральная сущность души» (как ее называет Гартман), реагирует на высшие ценности. Кроме всего прочего, место ценностей в иерархии, по Шелеру, в большой мере определяется отношением степени чувствительности к ценностям. Ценность является таковой в ценностном отношении субъекта, и в этом плане высшими можно считать ценности, существование которых не обусловлено конкретной ситуацией или развитостью ценностного сознания. Н. Гартман соглашается с Шелером в том, что высшие ценности в непосредственной интуиции представляются совершенно очевидными. Они суть «в себе существующие ценностные качества личности безо всякой соотнесенности с чьей-либо ценностной чувствительностью», – отмечает Гартман и продолжает: «И соответственно этому в ценностном чувстве существует непосредственное, хотя и смутное и даже только своеобразное чувству сознание этой абсолютности, в которой дает о себе знать высшая автономия этих ценностей» [1, 297].

Н. Гартман отмечает, что четыре из пяти названных признаков (надвременность, неделимость, безусловность и аксиологическая абсолютность) действительно позволяют достаточно точно выделить особую группу ценностей, которую Шелер называет универсальными, а Гартман – высшими, или нравственными. Более детальную дифференциацию он связывает с признаком глубины удовлетворения, однако ценностное чувство, во-первых, субъективно, а во-вторых, по-разному реагирует на ценности различного содержания. Поэтому более продуктивной Гартман считает теорию специфического «ценностного ответа», развитую в немецкой философии XIX века. Согласно этой теории, для каждой ценности есть только один способ эмоциональной реакции, подходящий ей ценностный

ответ. Теория ценностных ответов восходит к дифференцированию ценностных предикатов, которое произвел еще Аристотель в «Никомаховой этике». Восходящий ряд образуют предикаты «неплохое», «достойное похвалы», «красивое», «достойное почитания», «достойное любви», «достойное восхищения» и «достойное поклонения», а нисходящий ряд – «ошибочное», «некрасивое», «достойное порицания», «позорное», «достойное ненависти». За ними скрываются соответственно признающие и отрицающие оценки (похвала или порицание, любовь или ненависть, восхищение или презрение). Однако данные оценки и предикаты являются лишь внешней демонстрацией той внутренней связи, которая существует между статусом ценности и родом ценностного чувства, а эта связь, в свою очередь, указывает, по мнению Шелера, на объективное существование иерархии ценностей: «Совместная данность пусть даже фрагментарно видимого отношения высот во всяком, даже наивнейшем ценностном видении доказывает, что существует жесткая, всеобщая иерархия, которая неотделима от сущности ценностей и обладает тем же способом бытия, что и они, тем же идеальным в-себе-бытием» [1, 300]. Гартман вслед за Шелером полагает, что предпочтение в отношении к той или иной ценности выражает подлинное ценностное видение, являясь первичным элементом в самом непосредственном ценностном чувствовании: «Предпочтение» как основной тип указывающих высоту ценностей актов существует отнюдь не только в активном волевом решении, но также и во всяком ценностном суждении, во всякой позиции. Предпочтение не является и актом суждения «о» ценностях, но есть некий первичный элемент в самом непосредственном ценностном чувствовании» [1, 301].

Можно не соглашаться с немецкими мыслителями в том, что ценностное чувство, отдающее предпочтение определенной ценности и позволяющее соотнести с ней конкретный ценностный ответ, априори содержится в ценностном сознании и поведении. Однако трудно не согласиться с мыслью Гартмана о том, что эту скрытую и не редуцируемую функцию невозможно выразить в определенных категориальных структурах. Чувство, которое определяет ценностные ориентации и нравственное поведение, но не подчиняется внешним влияниям и не зависит от исторически обусловленных правил предпочтения, Гартман называет «аксиологическим чувством высоты»: «Это чувство идеального порядка *suī generis*, которое нельзя сравнивать ни с каким другим и измерение которого ни с каким другим не совпадает» [1, 302]. Вполне последовательным представляется заключительное размышление Гартмана о природе ценностной иерархии: она представляет собой «идеально в-себе-сущую» сферу ценностей, применительно к которой в сознании существует глубинное чувство соотношения ценностных высот. Но это чувство не является основанием для какого бы то ни было выведения иерархии из одного высшего принципа, а позволяет только констатировать, что она существует. Вместе с тем нет никаких оснований утверждать, что в объективной иерархии ценностей отсутствует такой высший принцип, – проблема лишь в том, что в рамках рационалистического дискурса его невозможно «схватить» и выразить в понятиях.

При этом любая действующая мораль, равно как и другая область духовно-практической деятельности, так или иначе апеллирующая к ценностям, признает только некоторые ценности, а зачастую и вовсе единственную ценность, которая считается высшей, а все остальные соотносятся с ней. Поэтому практическая мораль всегда имеет монистическую форму, которая обуславливает и ее силу, и ее уязвимость.

Действительно, долженствование невозможно без однозначности и внутренней непротиворечивости, единство стремления – необходимое условие нравственного поведения. Но выделение высшей ценности обуславливает односторонность, узость и преходящий характер таким образом выстроенной системы убеждений. Монизм в осознании ценностей проистекает, по убеждению Гартмана, не из самой их природы, а из потребности единства понимания.

Вместе с тем вопрос о существовании высшей ценности и о её характере отнюдь не является праздным, поскольку любая исторически возникшая система ценностей формируется в соответствии с определенной исходной установкой на ее понимание. Одна из них ориентирована на поиск высшей ценности среди самых простых и элементарных ценностей, а вторая установка – на обретение высшей ценности среди наиболее сложных и содержательно наполненных: «В первом случае дело идет о высшей ценности как о самой сильной и самой элементарной (а, пожалуй, и самой всеобщей), во втором же – об аксиологически высшей» [1, 306]. В таких разных моральных системах, как гедонизм, эвдемонизм и ригористическая этика Канта, самая простая и всеобщая ценность является высшей, в то время как христианская этика любви или мораль справедливости ориентированы на ценность, которая является высшей в аксиологическом смысле. Кроме этого, для актуальных систем ценностей имеет значение также и решение вопроса о том, обладает ли ценностью искомое единство ценностей.

Резюмируя сказанное, можно отметить следующее: 1) любое ценностное исследование имплицитно содержит представление об иерархии ценностей, которое находит свое выражение в последовательности их описания; 2) ценностное сознание есть сознание иерархии, а любой осуществляемый человеком ценностный выбор представляет собой функцию этого сознания; 3) положение ценности в иерархии невозможно определить на основе какого-либо единственного критерия – будь то степень общности ценности, сила ее воздействия или аксиологический статус («высота»); 4) важнейший вопрос аксиологии – выявление критериев, по которым можно было бы различать высшие и низшие ценности; 5) пять признаков высших ценностей содержатся в аксиологических представлениях М. Шелера, но Н. Гартман считает четыре из них избыточными; 6) существует внутренняя связь между статусом ценности и родом ценностного чувства; 7) в силу этого один из указанных Шелером признаков – глубина удовлетворения, вызываемого ценностью («ценностный ответ», «ценностное предпочтение») – позволяет судить об аксиологическом статусе ценности; 8) царство ценностей плюралистично, но любая практическая система ценностей монистична (в том числе и мораль); 9) принцип единства, проводимый в практической морали, является источником её действенности и в то же время уязвимости, поскольку делает её односторонней и исторически преходящей; 10) в теоретических исследованиях ценностей монизм представляет собой неоправданную экстраполяцию логических отношений между понятиями и правил логического вывода на принципиально иную в сравнении с мышлением форму бытия.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб., 2002.
2. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Избранные произведения. – М., 1994.

Материал поступил в редакцию 10.11.10

VARICH V.N. Hierarchy of values in philosophy N. Gartmana

Theoretical analysis of the hierarchy of values is extremely important in today's rapidly changing society. Appeal to the previously established theoretical models reveals the constructive ideas in each of them and develop the best approach to the analysis of the problem. One model of hierarchy of values contained in the ethics of N. Hartmann, have a significant impact on the subsequent development of value theory. The article highlighted the key ideas of Hartmann, associated with understanding the hierarchy of values, and made them a critical evaluation.